

(Елен), четвертый сын Приама, лишь напоминает о даре пророчества, которым он обладает, и советует не посылать Париса в Грецию, так как в этом случае Приаму и его близким грозит смерть. В редакции *П* Гелен обращается к отцу с пространнейшими моралистическими рассуждениями: «Понеже убо ты, великий царю, истинный и правый царь именуешься, якоже и есть, почто же к толице неправде благородие свое уклоняеши, и почто злому сему начинанию не возбраниши, но уже и в дело беззаконие се произвести покушаеши? Кая бо есть правда, или коего благородия дело, еже восхищати жены чужия, и отводити их во своя отечества, и тем осрамошати свою царьскую державу?»²⁸

Редактор охотно сочиняет отсутствующие в *Д* и *О* описания пышных придворных церемоний, любит перечисление богатого убранства и роскошных нарядов, заставляет персонажи произносить «этикетные» речи. Например, лишь в *П* встречается пространное описание торжественной встречи Язона и Геркулеса царем Эетом (Оетесом), когда «воинство и народ» встречают греков «с тимпаны и органы, с трубами же и гусльми, и со прочими орудии играний мусикийских», а Язон и Геркулес «в царском наряде», «в чудном украшении» восседают на конях, окруженные толпами горожан, которые «стицахуся с женами и с детьми видети бывшее», и т. д.²⁹ Лишь в *П* мы встречаем описание греческого войска, отправляющегося против царя Лаомедонта: «Доспехи бо их бяху и щиты позлащенные и шлемы златоконьяны; оружия такожде позлащенные, и яко вода изчищены блещахуся; паволоцы же верху доспехов их различные цветы имущия зело многоценныя» и т. д.³⁰ Плененная Парисом Елена плачет, «помяная славу царствия своего и дщерь свою Ермонию, юже остави, к тому же еще зря и иных благородных своих жен и девиц» плачет, «помышляя, яко мене ради единыя сии вси отечества своего отпадоша, девицы родителей, жены же мужей и детей своих лишися, и быша пленницы в земли чуждей, такожде и сама аз бывши иногда царица, а ныне таже пленница бых».³¹ В *Д* лишь говорится, что Елена плачет, вспоминая «царя мужа и царей братию, и дщерь, отечества и знакомых рыдает»,³² а в *О* даже косвенная речь Елены в этом месте отсутствует (что, возможно, является особенностью лишь данного списка).

Помимо общих с *О* сокращений, редакция *П* имеет и свои сокращения также с четко выраженной идеологической направленностью; из романа почти совершенно устраняется любовная линия. Полностью опущено описание переживаний влюбленной Медеи, ее свиданий с Язоном, а их речам придан изысканно-церемонный характер.³³ Отсутствует описание красоты Елены, описание встречи Елены и Париса в храме Афродиты. Вместо подробного (даже в *О*, хотя и там есть некоторые сокращения сравнительно с *Д*) рассказа в *П* осталась одна фраза: «Юже Парис

²⁸ Там же, стр. 101—102.

²⁹ Там же, стр. 21—22.

³⁰ Там же, стр. 47—48.

³¹ Там же, стр. 122.

³² ГИМ, Музейск., № 356, л. 660.

³³ Любопытно проявление редакторского пуризма даже в деталях. В редакции *О*, как и в *Д*, говорится, что отец на первом пиру повелел Медее «близ Язона сести», а во время второй встречи Медея уже сама «подле Язона избра сести» (ГБЛ, собр. Овчинникова, № 506, лл. 8 и 9). В *П* в первом случае «отец ея подле себя сести повеле», а во втором — она «подле отца своего седе, яко же и прежде». В *О* говорится, что Медея начала беседовать с Язоном, видя, что отец увлечен разговором с пирующими, в *П* же подчеркивается, что Медея обращается к отцу: «О пресветлый и благородный отче мой, великий царю, аще повелит ми держава твоя, да възглаголю целомудренне чином девическим» (История, стр. 28).